

Глава 10. Болит у одного — у всех болит.

Лира сказала себе: ещё пять минут и пойду... Больше уже невозможно. Пять минут она терпеливо простояла у окна, но улица была по-прежнему безлюдной. Тогда Лира быстро собралась и отправилась в школу одна. Каждое утро она случайно встречала на этом углу Гошу Кудайсова, и они вместе шли до самой школы. Встретились по дороге одноклассники, что тут особенного!

Дружба их началась с прошлого года. Гоша и тогда часто пропускал уроки, а переписывать пройденное просил у Лиры Пестряковой: «У тебя почерк хороший».

И вдруг всё рухнуло! Виновата в этом была только она одна. Лира давно знала, как плохо у Гоши дома. Дико даже подумать — голодают в наши дни! Бывает, намазываешь булку маслом и вдруг вспомнишь о Гоше, о его сестрёнках. Если бы она могла хоть чем-то помочь ему! Но заговорить об этом с Гошей, даже намекнуть, нечего было и думать — Гоша не простил бы ей жалости. Потому и разговоры были у них беспечные — об уроках, о новом фильме, о чём угодно, кроме главного.

А несколько дней назад произошло это непоправимое. Было воскресенье, ей понадобился учебник физики, который она накануне одолжила Гоше. Лира, недолго думая, отправилась к Кудайсову домой, к их бедной лачужке возле электростанции.

Кудайсов сидел на завалинке, держал на коленях по малышке. Девочки были очень похожи друг на друга, они и ревели одинаковыми голосами. Пытаясь унять сестрёнок, Гоша надувал щёки, что-то выкрикивал, сам едва не плача. И тут увидел перед собой Лиру. Лицо его исказилось. И как грубо он закричал на неё! «Ты... ты... убирайся отсюда! Что пришла?.. Что надо?» Ей даже показалось, что он замахнулся. Лира кинулась бежать.

На следующее утро он не появился на углу, прошёл в школу другой дорогой. И на второй день его не было, и на третий.

Когда решали на комсомольском собрании, кто пойдёт вместе с Сергеем Эргисовичем, её фамилии даже не назвал никто. Назначили «двойняшек», Нинку и Веру, — будто их больше всего интересует судьба Гоши Кудайсова! А она и думать не смей! Зачем, зачем только мама стала придираться к нему — из-за какого-то несчастного домашнего задания! Ах, если бы Лира могла вовремя остановить маму! Как неприязненно говорили о ней вчера на комсомольском собрании.

Лира обожала свою маму. Она выросла в гордости за маму, а когда в старших классах стала учиться у неё, и вовсе убедилась — нет среди учителей никого умнее, чем её мама. Даже отцу, заслуженному учителю республики, если правду говорить, далеко до мамы.

Лире всегда казалось забавным, что из всех девчонок деревни именно ей выпало на долю необычайное: учиться у собственной мамы. Вот у доски стоит, рассказывает новый материал учительница, которая после уроков будет кормить тебя обедом, и мы вместе будем сидеть, забравшись с ногами на диван, слушать по радио концерт из Якутска. Будем стирать, картошку на зиму перебирать...

Но потом она стала понимать: нет, это не только забавно и приятно, когда твоя мама учительница. В прошлом году, когда отец с матерью и той дурой Клеопатрой стали обыскивать ребят в классе, Лира едва не умерла со стыда! Но, видимо, любящее сердце всегда оправдывает и защитит того, кого любит. Конечно же, во всём была виновата жаба Клеопатра, это она вовлекла родителей в позорное дело!

Так и теперь, когда из-за Гоши снова на все лады склоняют мамино имя, Лира и сейчас не спешит разделить общий гнев. Надо, чтобы для всех была равная правда — и для Гоши, и для класса, и для мамы. Ведь «сидячая забастовка» на мамином уроке — это отместка за прошлое. Ей мстят, а разве это — хорошо? Ах, мамочка! За последнее время с ней происходит что-то странное. Всегда спокойная и ровная, она вдруг стала сердиться по пустякам. В школе ходит будто оскорблённая, голова у неё всё время вызывающе вздёрнута. Смеётся совсем редко, разговоры за обедом у них теперь какие-то принуждённые. А как она расплакалась над старой фотографией!

А вчерашний случай! Сели за стол, и мама вдруг:

«Поздравляю вас, уважаемый завуч. Поручаешь Аласову призвать хулиганский класс к порядку, а он на комсомольском собрании выступает с речью: дескать, мы, учителя, во всём виноваты, а вы, ученики, во всём правы».

«Что за чёрт! — папа швырнул ложку на стол. — Кто тебе это наговорил?»

«Почему наговорил? Лира вернулась с комсомольского собрания и всё рассказала...»

«Мама! Как тебе не стыдно! Разве я так говорила?»

«А как ты мне говорила?» — теперь и мамина ложка со звоном полетела по столу. Такого в семье ещё не было, братец Локут со страха стал даже скулить потихоньку.

«Или не ты мне рассказывала, что Аласов даже не стал искать виновников, а пошёл с комсоргом помогать этому разгильдю Кудайсову? Разве это не подстрекательство против учителей? Ты уже взрослая, могла бы понять, что к чему!»

Лира едва удержалась, чтобы, в свою очередь, не бросить ложку на стол. В своей комнате она упала на кровать: какой оговор от родной матери! Мамочка, мама, почему ты так переменилась, что случилось с тобой, почему ты не можешь стать прежней?

Потом они помирились. Лира в который раз всё простила маме.

Но осадок в душе остался. Разве это забудешь в одну минуту?

Когда Лира вошла, в классе было уже полно ребят. Лира ушам своим не поверила:

— А он ему р-р-раз в челюсть! Пьяница бряк на пол и нож выронил. Вот так...

— Эй, ты! — взвыл Ваня Чаркин. — Отпусти-ка. Слышь, Сашка! Размахался! А ещё комсорг...

— Да я же показываю!

— Дай-ка я тебе покажу! Моду какую взяли, чуть чего, сразу на кулаки... Ты вот погоди, вам ещё за такие подвиги влетит — и тебе, комсоргу класса, и учителю. Учитель, а драться!

— Так пьяница с ножом на него...

— Всё равно, учитель с родителями не имеет права драться!

— Иди ты, законник...

— Вот, братцы, теперь вы можете невооружённым глазом видеть, что есть среди вас мудрый человек.

— Кто же этот мудрец?

— Я лично. Некто Ю.Ю. Монастырёв. Вспомните, как я предсказал: Аласов у нас только до Октябрьских протянет? За драку с родителем снимут без разговоров. Но если мы такого классоведа не сбережём, тогда мы и вовсе пропали.

— Почему это не сбережём? Надо сберечь! А то посадят нам опять Пеструху!

При слове Пеструха Лиру обдало жаром — это ведь про маму её, как про корову какую!

— Стоп, тих-ха! — Саша Брагин постучал ладонью по доске. — Тише, говорю! Это верно, к Сергею Эргисовичу легко придраться. Скажут: раз учитель, должен был убеждением... Как у графа Льва Толстого: он на тебя с ножом, а ты на него со святым словом.

— Начальство ни за что свою Пест... Пестрякову в обиду не даст. А на нашем классоведе отыграется!

— Слышите, батыры... — сказал Саша Брагин, и все притихли, — а что, если нам отделаться малой кровью? «Во спасение»... Пойти и извиниться перед Надеждой Алгысовной. Пресечь в зародыше, а?

— Э, нет! — хлопнул книжкой о парту Юрча Монастырёв. — Я — нет. В чём же таком нам виниться? «Хоть вы и не правы, но ми, холопы ваши...»

— Не юродствуй, — остановил его Чемпосов. — Сергея Эргисовича спасти надо, а ты всё с гордостью своей... «Капитан первого ранга»!

— Это правильно, что Надежда Алгысовна неправильно поступила, — сказал Ефим Сирдитов. — Но урок мы всё-таки сорвали, разве правильно? На собрании вчера все заявляли: мы неправильно себя вели, а сегодня уже другое говорим, — разве так правильно?

— Великий философ наших дней Ефим Сирдитов. Словарный запас у него из двух слов — «правильно» и «неправильно». Ты уж лучше давай сразу выводы: что предлагаешь?

— Извиниться перед Надеждой Алгысовной!

— Хорошо, — сказал Монастырев. — Вот ты и пойдёшь извиняться.

— И пойду! Саша, пойдём вместе. Стыдного тут ничего нету.

— Идите, идите!!

Показалось, что отсутствовали они вечность. Всё в той же позе, не поднимая головы, сидела на своём месте Лира.

Наконец звонок, и в то же мгновение, едва не вынеся дверь, ворвались Саша и Ефим.

— Всё в порядке, батыры! В лучшем виде!

— ...Если просто гуляешь, тогда проводи старика немного.

— С удовольствием, Всеволод Николаевич!

— Представляю себе удовольствие: со стариком гулять.

Рядом с Левиным далеко не уйдёшь, приходится приноравливаться к его стариковскому шагу. Всеволод Николаевич ступает медленно, отмеривая каждый шаг тростью. Не идёт, а движется. От такого передвижения и мысль у старика спокойная, мудрая. Это у нас мыслишки, как зайцы: скачем, торопимся, и мысли скачут...

— Та-ак, Сергей Эргисович, — говорит Левин, скосив глаз. — Ай да Сергей Эргисович! Пришёл, увидел, победил... Вся школа столько бьётся с дикой оравой, а он раз-два, и вчерашние тигры — ягнята: извиняются, краснеют, ножкой шаркают... Ай, Аласов! И Макаренко, и Ушинского перещеголял!

— Всеволод Николаевич, ей-богу, я тут совершенно ни при чём! Ребята сами, вот честное благородное слово!

— Честное пионерское под салютом всех вождей, как говорили когда-то? Ладно, поверю, что ты тут ни при чём, просто случилось педагогическое чудо. А вообще-то как дела, как живёшь? Одержал победу, а нет радости на челе. Что так?

— Да ничего, Всеволод Николаевич. Вроде бы всё в порядке...

Действительно, всё в порядке у Сергея Аласова. С объективной точки зрения. А отчего голова пухнет — не поймёшь. Аксю тогда сказала: «Все людьми стали, а ко мне жизнь задом». Но разве боль одного — не общая боль? Ведь писал

же когда-то Маяковский: «Чтобы на первый крик «товарищ!» — оборачивалась земля»... Мысли, как круги по воде, одна гонит другую. За историей Аксю — беда парнишки Гоши Кудайсова, а с ним связана «сидячая забастовка», сама судьба десятого класса. По силам ли тебе этот груз? Да ведь и это ещё не всё. Есть ещё одна проблема — Надежда Пестрякова. Что с ней произошло? Неужели та самая Надя, которую ты любил вчера, сегодня способна обыскивать школьников? Пусть ты обманулся в своей любви, но можно ли было обмануться так в самом человеке? Разве бывает, чтобы люди начисто перерождались? А если здесь не столько её вина, сколько беда? Может, помощь ей нужна не меньше, чем несчастной Аксинье?

— ...А я такого подхода к делу не понимаю и понимать не хочу! — донёсся до Аласова голос Всеволода Николаевича. Оказывается, старый учитель рассказывает ему о своей недавней стычке с начальством.

Прислушавшись, Аласов постепенно начинает понимать, о чём идёт речь. Старика рассердила брошюра о передовом опыте Арылахской средней школы — сочинили такую директор и завуч. Сочинили и пригласили Левина тоже подписать: «Ваше имя украсит материал!» Но Левин на дыбы: «В жизни не подписывался ни под чем готовым, разве что на детских тетрадках! И с чего это вы взяли, что у нас есть право выставляться, поучать другие школы?» Пестряков в обиду: а наши мастерские, а сад, а успеваемость? «Что ни говори, а задача школы и сегодня — как в старину, — хорошенько учить детей наукам!»

В общем, пренеприятный и жалкий разговор.

— Так и не подписали?

— Ещё чего! — Всеволод Николаевич разволновался так, что сразу потерял сходство с патриархом. Лицо его покраснело, отчего седина стала ещё белее.

Падала под ноги жухлая листва. Неподальёку слышен был плотницкий топор: тюк, тюк... Они долго стояли, вслушиваясь в этот деловой стук.

— Изба-то почти готова, — сказал Левин. — Зайдём?

Новая улица выстраивалась параллельно той, что до сих пор составляла главную и единственную магистраль Арылаха. Тут дома блистали свежим тёсом, ещё не потемневшими крышами. Кончалась улица небольшой берёзовой рощицей, в полукружье которой вписывался только что сошедший с топора домик. К нему-то старый учитель и повёл Аласова.

— Ребята, хозяин пришёл! — выглянул в оконный проём какой-то мужичишка с топрром; те, что стелили полы в большой комнате, побросали работу, окружили их. Всеволод Николаевич со всеми поздоровался за руку.

— Как дела, мастера?

— Завтра полы принимай! Поднажмём и кончим... Дело к концу движется, можешь угощение готовить, хозяин! Дом хорош, ну и новоселье надо под стать...

— Эх, брат, и старик-то ваш! — зачастил под ухом у Аласова мужичишка. — Требовательный, и-и... — плотник прищёлкнул языком. — В каждую щель палец сунет. Тыщу лет жить собирается в этом доме...

— А ты как думал! — откликнулся старик. — Ещё, глядишь, молоденькую хозяйку сюда приведу — знай Левина! Э, дьяволы! Слушай, дорогой мастер, разве так стены конопатят? Или это первый случай в твоей практике? — Левин, рассердясь, стал выдёргивать мох из пазов. — Конопатить дом так надо, чтоб иголка не проходила... Ну что, гульнём, Серёжа, на новоселье?

Осмотр своего будущего дома развеселил старика. Немного пошумев на мастеров, он опять пошёл сыпать шуточками. Но они не очень-то смешили Аласова. Слабо вязалась эта домостроительная деятельность старика с той высотой, о коей они только что говорили.

— До свиданья, Всеволод Николаевич.

— До свиданья, Сергей Эргисович, — сказал и Левин, но его руки не выпустил. — Послушай, Серёжа, а не заглянуть ли нам с тобой к двум молоденьким созданиям — к Майе с Саргыланой? Видел сегодня Майю, что-то не понравилась она мне... Зайдём вместе, а? Ты ведь, насколько я понимаю, с Майей в добрых отношениях? — прищурил он глаз.

Сергей на минуту заколебался: велик был соблазн.

— Нет, Всеволод Николаевич, никак не могу. Мой привет передайте...

— Ну-ну, — сказал Левин и ещё раз пристально взглянул ему в лицо. — Ну-ну...

Приподняли шляпы.